

А. В. Плохов

ДРЕВНОСТИ VIII ВЕКА У ИСТОКА ВОЛХОВА*

Район истока Волхова и примыкающее к нему Ильменское Поозерье традиционно рассматриваются как коренная территория словен новгородских, как место, откуда началось их расселение по просторам севера лесной зоны Восточной Европы. Археологическими памятниками, обычно сопоставляемыми с летописными свидетельствами об ильменских словенах, являются зафиксированные здесь поселения с примыкающими ко многим из них монументальными погребальными сооружениями — сопками. Исследования, проведенные в последние десятилетия на ряде городищ и селищ Северного Приильмения, позволяют составить представление о материальной культуре жителей этих мест во время, предшествовавшее возникновению Новгорода. Она была близка той, что открыта при раскопках Старой Ладogi, и во многом определяется широкими связями с народами Балтийского региона. Однако, в отличие от Староладожского поселения, где древнейшие напластования относятся к середине VIII в., находки, полученные в ходе работ на поселениях Верхнего Поволжья и Ильменского Поозерья, до конца прошлого века не давали убедительных оснований для датировки памятников временем ранее IX в. Поиски поселений и могильников V–VIII вв. в окрестностях Новгорода на протяжении десятилетий не приносили положительных результатов, что объясняется как трудностью выявления древностей этого времени, скрытых отложениями последующих периодов, так и ограниченными возможностями для проведения крупномасштабных раскопок.

Определенные надежды на обнаружение в Северном Приильмении материалов, относящихся к эпохе, предшествующей распространению на этой территории вещевого комплекса староладожского облика, подавали находки из многолетних раскопок С. Н. Орлова на поселении Прость¹. Этот памятник расположен на левом берегу протоки Волхова при впадении в нее речки Прость, в двух километрах к югу от Новгорода. Поселение занимает самый высокий холм в верховьях Волхова, окруженный низменной и затапливаемой во время паводков территорией. Высота площадки над уровнем реки составляет 3–6 м. Приблизительные размеры памятника, вытянутого вдоль Волхова, — 200×500 м. Судя по концентрации керамики и интенсивности окраски культурного слоя, на поселении прослеживается несколько гнезд плотной древней застройки. Селище Прость — самое крупное неукрепленное поселение раннего средневековья в окрестностях Новгорода. Крайне заманчиво видеть в нем центр словен Ильменского Поозерья. Косвенно это подкрепляется тем, что оно отстоит всего на 300 м от урочища Перынь, с которым многие исследователи связывают функционирование главного языческого святилища новгородских словен. Весною и в начале лета поселение отделено от капища водами разливающегося Ильменя, а в остальное время — заболоченной низиной. Речка Прость соединяла исток Волхова с крупной поозерской раннесредневековой поселенческой зоной, расположенной по берегам р. Веряжа.

В 1997–1999 гг. широкомасштабные археологические исследования на поселении Прость провела Новгородская областная археологическая экспедиция Института истории

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ проект №05-06-80415.

© А. В. Плохов, 2008

материальной культуры РАН совместно с Новгородским государственным университетом. В центральной части селища был заложен раскоп, общая площадь которого за три полевых сезона составила около 1000 м². На изученном участке выявлены остатки большого числа сооружений и ям, относящихся к нескольким хронологическим периодам². Уже предварительный разбор материалов, полученных в результате раскопок памятника, позволил подтвердить предположение о существовании у истоков Волхова поселения с отложениями третьей четверти I тыс. н. э. Именно для этого времени характерны синие бусы, декорированные молочно-белой и красной крошкой, а также слабопрофилированные и баночные сосуды, в значительном количестве присутствующие в керамических коллекциях памятника на реке Прость. В центральной и южной частях раскопа было разобрано более десятка комплексов, которые по результатам радиуглеродного анализа относятся ко второй половине V — первой половине IX вв. К сожалению, находки, происходящие из большинства этих объектов, не предоставляют данных для их более точного датирования.

Единственным исключением является сооружение, открытое в центральной части раскопа (рис. 1). Это близкий к овалу котлован размерами 3,3×5,1 м. Стенки у него крутые, дно вогнутое. Наибольшая глубина комплекса — 0,54 м. На дне сооружения зафиксирована столбовая яма диаметром 0,3 м и глубиной 0,26 м. С севера комплекс имел приступок размерами 1×2,1 м и глубиной 0,2 м. Котлован заполнял темный гумус с более интенсивной окраской в верхней части. В сооружении отмечено значительное число камней (более полутора тысяч, в основном очень мелких, обожженных и колотых), большое количество угля (в том числе отдельные обугленные плашки до 0,24 м в длину, причем их ориентация совпадала с продольной осью комплекса), кости животных, 9 кусков железного шлака, 50 фрагментов глиняной обмазки, 11 обломков ошлакованной глины. В северо-западной части сооружения при разборке заполнения было зафиксировано несколько скоплений кальцинированных костей. В комплексе найдено около 900 фрагментов посуды (в основном мелких), а также более двух десятков индивидуальных находок.

Среди разнообразного вещевого материала, встреченного при исследовании сооружения, в первую очередь следует упомянуть о найденных в верхней части заполнения трех бронзовых неорнаментированных поясных накладках. Две из них имеют квадратную форму, граненые стороны и прямоугольные отверстия у основания, а третья — плоская серповидная (рис. 1: 10–12). Подобные детали поясного набора до сих пор не встречались на Северо-Западе России. Прорезные неорнаментированные накладки прямоугольной формы широко представлены в культурах Прикамья конца VII–VIII вв.³, в некоторых погребениях на Северном Кавказе, в тюркских древностях Среднего Поволжья, южной Сибири, Тувы и Монголии⁴, а также в слоях первых трех четвертей VIII в. Пенджикента⁵. Ближайшим к Поволховью местом, где была найдена подобная бляшка, является поселение Черный ручей 2 на р. Андога (бассейн Шексны)⁶. Серповидные накладки с отверстиями для шпеньков известны в материалах полемской⁷, ломоватовской⁸ и неволинской культур⁹, раннесредневековых мордовских могильников¹⁰, а также в крымских погребениях первой четверти VIII в.¹¹ и в северокавказских древностях VIII–IX веков¹². Эти два типа накладок составляют один комплект на некоторых «тюркско-аварских» поясах неволинской культуры, характерных преимущественно для VIII в.¹³

Среди других находок следует отметить часть пластинчатого браслета с расширяющимися концами, украшенного узором в виде косых крестов и поперечных насечек (рис. 1: 13). Похожие пластинчатые браслеты известны в могильниках раннего средневековья бассейнов Оки и Камы¹⁴, а также Литвы¹⁵. Орнамент, близкий отмеченному

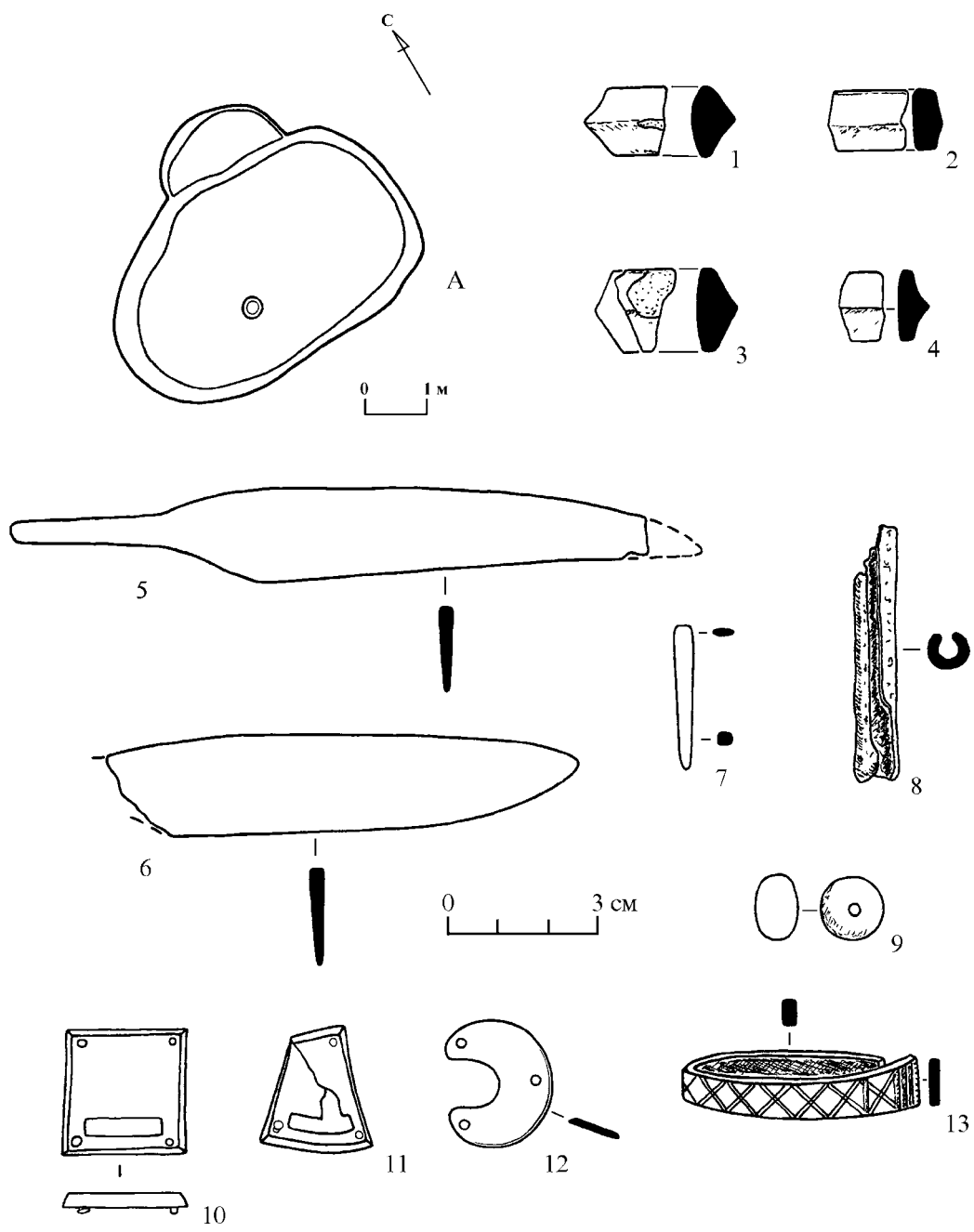

Рис. 1. Поселение Прусть. План и находки из сооружения VIII века

на этом изделии, украшает многие браслеты с утолщенными концами, которые характерны для памятников третьей четверти I тыс. н. э. на территории от Северо-Восточной Эстонии

до Верхнего Поволжья¹⁶. Свойственен он и пластинчатым браслетам «вогнуто-выпуклого типа», которые были широко распространены в Финляндии в эпоху меровингов¹⁷.

В комплексе обнаружено два ножа с плавным переходом от черенка к лезвию. Один из них, со слабо изогнутой спинкой (рис. 1: 6), можно отнести к первой группе ножей Восточной Европы раннего средневековья (по классификации Р. С. Минасяна), характерной для культур лесной зоны второй половины I тыс. н. э.¹⁸ Второй, имеющий изогнутую, опущенную к лезвию обушковую часть клинка (рис. 1: 5), является, видимо, позднейшей разновидностью серповидных ножей, широко представленной на памятниках раннего железного века¹⁹. Немногочисленные аналогии этому типу орудий встречены и на памятниках второй половины I тыс. н. э.²⁰ Следует отметить, что ножи, подобные найденным в постройке, отсутствуют среди материалов, происходящих из древнейших напластований Старой Ладogi²¹, где со времени основания доминируют ножи с прямой спинкой, отделенной от черенка четким уступом (IV группа по классификации Р. С. Минасяна)²².

Среди изделий из железа в заполнении комплекса имеются также шило (рис. 1: 7) и футляр для трута (рис. 1: 8). Самый ранний известный нам футляр, датируемый III–V вв. н. э., происходит из могильника Чагода I Молого-Шекснинского междуречья²³. В VIII–X вв. эти изделия были широко распространены среди древностей финских племен Оки и Волги²⁴. Позднее, в X в., они появились в поселенческих и курганных древностях на других территориях лесной зоны Восточной Европы и даже в Скандинавии (Бирка)²⁵.

При разборке заполнения комплекса было найдено шесть стеклянных бусин²⁶. Среди них выделяется черная цилиндрическая бусина, украшенная восемью выступающими фиолетовыми глазами в бело-бирюзовом обрамлении. Бусы этого типа характерны для памятников ломоватовской культуры VIII–IX веков. Встречены они и в Поломском I могильнике полемской культуры²⁷. В Прикамье такие бусы, по мнению З. А. Львовой, проникали с Северного Кавказа²⁸, где они бытовали в VII–IX вв.²⁹ Встреченная в постройке «золоченая» лимонка относится к типу бус, представленному во всех древнейших слоях Старой Ладogi (VIII группа, I подгруппа бус Ладogi) и широко распространенному в VIII–XI вв. в Западной и Восточной Европе³⁰. В сооружении были также обнаружены осколок бусины из светло-голубого прозрачного стекла (видимо, имевшей кубическую форму со срезанными углами и расплывчатыми гранями) с глазком из белого ядра в красном обрамлении и часть черной бусины цилиндрической формы, украшенной накладной рельефной нитью желтого заглушенного стекла. Последний фрагмент принадлежал изделию, похожему на некоторые бусы Старой Ладogi³¹. Бусы такого типа встречены в древнейших слоях этого поселения, датируемых второй половиной VIII — началом IX вв.³² В постройке отмечено два экземпляра бусинного бисера, относящегося к XII — первой половине XIV вв.³³, которые, по-видимому, попали в комплекс из более поздних отложений через кротовины.

Глиняные предметы представлены в комплексе зонной бусиной (рис. 1: 9), четырьмя фрагментами тиглей и обломками семи биконических пряслиц с уплощенными или вогнутой стенками (рис. 1: 1–4). Подобные пряслица характерны для древностей третьей четверти I тыс. н. э. лесной зоны Восточной Европы: тушемлинской культуры, культуры псковско-новгородских длинных курганов, памятников «удомельского типа»³⁴, в то время как на поселениях Поволжья и Северного Приильменя конца I тыс. н. э. они практически не известны.

Кроме упомянутых находок в постройке встречено несколько обломков различных неопределимых предметов из бронзы и железа, а также два десятка кремневых отщепов.

Керамический материал, полученный при разборке сооружения, очень фрагментарен. Почти вся посуда лепная³⁵. Только восемь обломков керамики, изготовленной с помощью гончарного круга, встречены в верхней части комплекса. Количество верхних частей сосудов, по которым можно судить о форме посуды, весьма ограничено. Бросается в глаза неоднородность керамического набора, происходящего из комплекса. Он в значительной мере отличен от материалов памятников новгородской округи конца I тыс. н. э.

Для большинства исследованных поселений центрального Приильменя и Поволжья IX–X вв. характерной чертой керамического комплекса является наличие горшков с четко выраженным изломом тулова, часто ребром при переходе от плечика к конически сужающейся нижней части сосуда, приходящимся на верхнюю треть или четверть высоты. Подобные сосуды составляют значительную часть керамического комплекса древнейших слоев Старой Ладogi, где они появились с момента основания поселения³⁶.

В рассматриваемом сооружении встречены фрагменты верхних частей двух горшков (рис. 2: 1, 10) и обломок стенки сосуда (рис. 2: 15), которые формально можно было бы отнести к этому типу посуды, но они имеют определенные отличия от керамики, происходящей из ранних отложений Старой Ладogi. В то же время, отдельные сосуды, близкие по профилировке горшкам поселения Прость, присутствуют в материалах памятников третьей четверти I тыс. н. э. верховьев Мсты³⁷.

Три обломка из исследованного сооружения принадлежат слабопрофилированным горшкам, имеющим небольшую отогнутую наружу шейку и крутое плечико (рис. 2: 8–9, 13). Подобная посуда широко представлена на ряде памятников культуры псковско-новгородских длинных курганов³⁸ и в древностях третьей четверти I тыс. н. э. Верхнего Помостья, относимых И. В. Ислановой к «иной культурной традиции»³⁹.

При разборке заполнения постройки были встречены обломки четырех сосудов, украшенных под венчиком или по плечико прочерченным линейным орнаментом. Один фрагмент принадлежит профилированному горшку с небольшой отогнутой наружу шейкой (рис. 2: 7), второй, по-видимому, относится к мисковидному сосуду со сглаженным ребром при переходе от плечика к нижней части тулова (рис. 2: 6), а оставшиеся обломки представляют собой верхние части емкостей баночной формы (рис. 2: 11, 12). Следует отметить, что первый сосуд несколько отличается от остальных по составу теста. В качестве отощителя он содержит более крупную дресву (до 5,5 мм) и органику (наблюдается значительное количество мелких пустот).

Прочерченный линейный орнамент на памятниках Приильменя третьей четверти I тыс. н. э. встречается очень редко. Известно несколько сосудов, декорированных по плечико, реже шейке одной-тремя прямыми линиями, происходящих из памятников культуры длинных курганов у оз. Крюково, с селища Овсище 1, а также из грунтового могильника Норфино в бассейне Мсты⁴⁰. И. В. Исланова связывает орнамент на горшке из Норфино с позднедьяковской традицией⁴¹. Немногочисленные изделия с прочерченным линейным орнаментом имеются и в древностях Северо-Запада России конца I тыс. н. э. На грубых лепных горшках он, очевидно, появлялся в подражание декору круговых сосудов. Кроме того, в коллекции керамики с Рюрикова городища имеются обломки нескольких лепных лощеных мисок с узором из прямых и образующих зигзаг линий по бортику⁴².

Вместе с тем, посуда, украшенная прямыми прочерченными линиями, не является редкостью на памятниках балтийского региона. Сосуды с таким орнаментом хорошо известны в могильниках эпохи меровингов Финляндии⁴³. Причем здесь найдены горшки, которые представляют собой наиболее близкие аналогии горшкам баночной

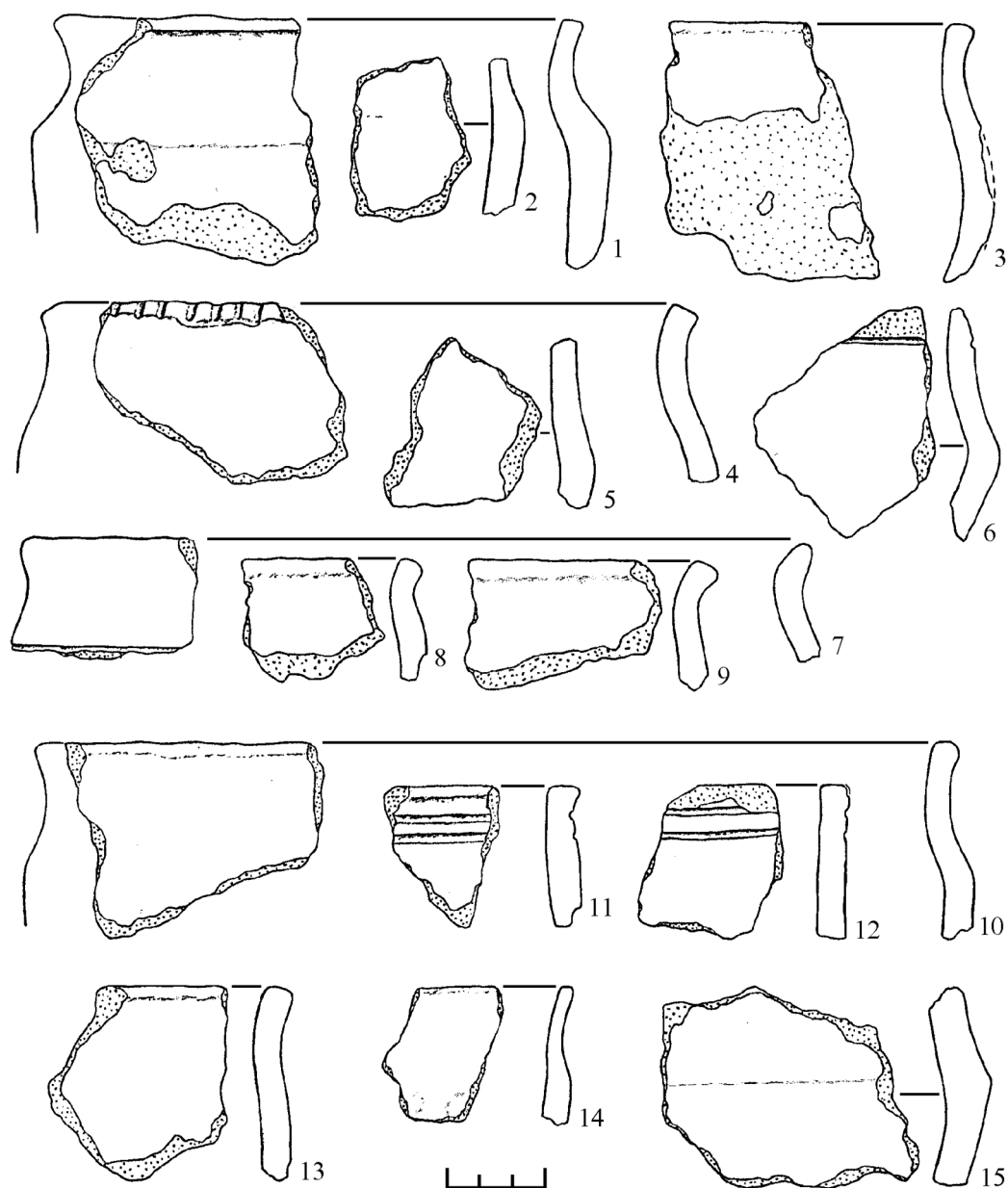

Рис. 1. Поселение Прость. Керамика из сооружения VIII века

формы с поселения Прость⁴⁴. Линейный узор широко распространен на мисках и горшках, в основном лощеных и подлощеных, найденных на памятниках Эстонии и Финляндии второй половины I — начала II тыс. н. э.⁴⁵ Подобное украшение поверхности типично

для разнообразных сосудов группы АШ Швеции эпохи викингов, происхождение которой Д. Селлинг связывала с областями восточной Балтики⁴⁶. Таким образом, есть достаточно причин объяснять появление на поселении Прость посуды баночной и мискообразной формы, декорированной линейным узором, контактами жителей Верхнего Поволжья с прибалтийскими финнами.

В то же время, существуют основания для поиска истоков прочерченного орнамента в материалах Северо-Запада России более раннего времени. В культурном слое поселения Прость встречено большое количество мелких фрагментов керамики, имеющих в тесте, в основном, органическую примесь и украшенных линиями, валиками, отпечатками гребенчатого штампа. Такая посуда имеется в коллекциях, полученных при раскопках нескольких памятников Приильменя и Поволжья⁴⁷, но впервые в таком значительном количестве. Культурная принадлежность и датировка этой керамики окончательно пока не установлены. Следует отметить, однако, что она обладает определенным сходством с посудой культуры лууконсаари раннего железного века Карелии и восточной Финляндии⁴⁸. К этой ранней группе керамики поселения, по-видимому, относится найденный в заполнении сооружения обломок профилированного горшка, орнаментированного прочерченной линией по плечу (рис. 2: 7).

Из рассматриваемого комплекса происходит также верхняя часть керамического изделия, имеющего округлое тулово, небольшую чуть отогнутую наружу шейку, слегка утолщенный и уплощенный венчик (рис. 2: 3). Вполне вероятно, что она принадлежит чашевидному сосуду, близкому по форме посуде (варианта А I типа, по Н. А. Макарову) со средневековых памятников Волго-Шекснинского района⁴⁹.

Определенный интерес представляет обломок профилированного горшка, украшенного по венчику рядом прямых насечек (рис. 2: 4). Подобный узор на памятниках Приильменя до сих пор был отмечен только на памятниках конца I тыс. н. э.⁵⁰ При изготовлении сосуда в глину, кроме зерен дресвы, были добавлены кусочки шамота — отошителя, практически не известного в раннесредневековых керамических коллекциях.

При решении вопроса о датировке раскопанного сооружения определяющую роль играет время бытования встреченного здесь поясного набора. Не вызывает сомнений отнесение его к неволинской стадии неволинской культуры или деменковской стадии ломоватовской культуры. При всей дискуссионности хронологии прикамских могильников можно достаточно уверенно говорить о бытовании подобной поясной гарнитуры в пределах VIII в.⁵¹ К этому времени и следует относить описанный комплекс. Подобной датировке не противоречит остальной вещевой и керамический комплекс сооружения. Согласуется с такой хронологией и результат радиоуглеродного анализа угля из заполнения котлована, с помощью которого была получена дата: 658–718, 738–770 cal AD (2 σ) (JE-5524).

Итак, в результате исследований у истока Волхова были открыты остатки поселения второй половины I тыс. н. э. Наиболее интересные материалы были получены из сооружения, датированного VIII в., временем, когда, по мнению большинства ученых, Приильмень уже было заселено славянами. Анализ сделанных находок показывает близость некоторых из них материалам памятников третьей четверти I тыс. н. э. Северо-Запада России. Облик древностей, представленных в изученном сооружении, оказался во многом отличен от культуры древнейших жителей Ладожского поселения. Обусловлено ли это хронологией постройки или отсутствием тесных контактов Верхнего и Нижнего Поволжья — покажут дальнейшие работы. Особенно ярко в собрании вещей отразились связи обитателей поселка с финно-угорским миром. Исследователи уже неоднократно отмечали тесные контакты

западных финнов с населением Прикамья в эпоху раннего средневековья. Основным свидетельством этих связей являются находки частей т. н. неволинских поясов⁵². Детали одного из них происходят из погребения в сопке у Старой Ладоги⁵³. Следует отметить, что в эпоху раннего средневековья наборные пояса имели утилитарные, семантические, социальные и другие функции⁵⁴. Они являлись знаком социального или военного ранга их владельцев, символом доблести, власти и богатства⁵⁵. Неволинские пояса за пределами их основной зоны распространения в основном происходят из могильников, причем преимущественно из богатых мужских погребений с оружием⁵⁶. В связи с этим, находка на поселении Прость части наборного пояса, имевшего высокую престижность в раннесредневековых обществах, заслуживает пристального внимания. Встреченные в комплексе материалы показывают вовлечение обитателей Северного Приильменья в трансконтинентальные внутрифинские связи накануне сложения Волжского торгового пути.

¹ *Плохов А. В.* К проблеме появления славян в Приильменье // Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1997. С. 105–107.

² *Носов Е. Н., Еришевский Б. Д., Плохов А. В.* О работе на поселении Прость в 1997 году // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1998. Вып. 12; *Они же.* Исследования на поселении Прость в 1998 г. // Там же. Новгород, 1999. Вып. 13; *Носов Е. Н., Еришевский Б. Д., Хвоцинская Н. В.* О продолжении исследований на поселении Прость под Новгородом // Там же. Великий Новгород, 2000. Вып. 14; *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб., 2005. С. 140–146.

³ *Голдина Р. Д.* Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // Краткие сообщения института археологии АН СССР. 1979. Вып. 158. С. 81. Рис. 1: 192; 6: 33; *Она же.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985. С. 41, 130–131. Табл. X: 41, 42, 47; *Голдина Р. Д., Водолога Н. В.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990. С. 81. Табл. XXX: 2; LXVIII: 21; *Голдина Р. Д.* О датировке поломской культуры // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1995. Рис. 5: 22, 23; *Семенов В. А.* Варнинский могильник // Новый памятник Поломской культуры. Ижевск, 1980. С. 37. Табл. XII: 39.

⁴ *Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Zubov С. Э.* Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998. С. 94. Рис. 16: 20; *Добжанский В. Н.* Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990. С. 37–40. Табл. XXVII: 1, 3; XXVIII: 1–2; XXIX: 2; XXX: 1, 4; XXXI: 1, 2; XXXII: 2; XXXIV: 2–3; XLII: 3–4; XLIII: 2–4, 6–7; XLIV: 6–7; XLV: 2–3, 5–6; *Ковалевская В. Б.* Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. Хронология восточноевропейских древностей V–IX веков. М., 2000. Вып. 2. Стекланные бусы и поясные наборы. С. 147–148. Рис. XII: 9. Табл. 5: 605–825; *Она же.* Кавказ — скифы, сарматы, аланы I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. М., 2005. С. 166. Рис. 115: 28–29; *Степи Евразии в эпоху средневековья.* Археология СССР. М., 1981. С. 40. Рис. 19: 83; 22: 12; 23: 13–14, 20; *Овчинникова Б. Б.* Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск, 1990. С. 30–32, 34. Рис. 7; 23: 2; 24: 7–8, 10–11; 53: 76. Табл. 2.

⁵ *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980. С. 89. Рис. 63: 1, 3.

⁶ *Кудряшов А. В.* Исследования средневекового археологического комплекса «Черный ручей» на р. Андоге // История и культура Ростовской земли. 2003. Ростов, 2004. С. 490. Рис. 4: 12.

⁷ *Ковалевская В. Б.* К вопросу о «поломской культуре» // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1969. № 169. Рис. 1: 29.

⁸ *Голдина Р. Д., Королева О. П., Макаров Л. Д.* Агафоновский I могильник — памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск, 1980. С. 23. Табл. XLIII: 2–5, 11; *Голдина Р. Д.* Ломоватовская культура... С. 42. Табл. XII: 61–64.

⁹ *Голдина Р. Д., Водолога Н. В.* Указ. соч. С. 82, 93. Табл. XXXII: 35–39.

¹⁰ *Циркин А. В.* Материальная культура и быт народов Среднего Поволжья в I тыс. н. э. Красноярск, 1987. С. 221. Рис. 70: 3.

¹¹ *Комар А. В.* Происхождение поясных наборов раннесалтовского типа // *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма.* Самара, 2001. Т. 2. С. 107; Ср. *Ковалевская В. Б.* Компьютерная обработка... С. 149. Рис. XII: 28. Табл. 5: 1231–1241.

¹² *Степи Евразии...* Рис. 61: 21.

¹³ *Голдина Р. Д., Водолаго Н. В.* Указ. соч. С. 75. Табл. XLIV:3.

¹⁴ *Стицын А. А.* Древности бассейнов рек Оки и Камы. Материалы по археологии России. СПб., 1901. Т. 25. С. 39, 47. Табл. XXIII: 9; *Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В.* Вещевые комплексы могильника Заречье 4 // *Археологические памятники Окского бассейна.* Рязань, 1996. С. 125. Рис.1: 11; 4: 4; 6: 6–7; *Циркин А. В.* Указ. соч. С. 57. Рис. 16: 11; *Голдина Р. Д.* Ломоватовская культура... С. 37. Табл. IV: 28.

¹⁵ *Kazakevičius V.* Plinkaigaliu karinynas // *Lietuvos archeologija.* 1993. Т. 10. Pav. 187: 9.

¹⁶ *Башенькин А. Н.* Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. // *Проблемы истории Северо-Запада Руси. Славяно-русские древности.* СПб., 1995. Вып. 3. С. 25. Рис. 8: 10; *Концевий В. Я., Иванов А. Ю., Сивохин С. Г., Торопов С. Е.* Новые данные о погребальных памятниках в долине р. Белой // *Новгород и Новгородская земля. История и археология.* Новгород, 1996. Вып. 10. С. 35. Рис. 1: 1; *Михайлова Е. Р.* Некоторые находки с Труворова городища и финальный этап культуры длинных курганов // *Изборск и его округа: Материалы II Международной научно-практической конференции.* Изборск, 2006. Рис. 3: 1–2; 9: 5; *Розенфельдт И. Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М., 1982. С. 82–84. Рис. 19: 2–3; *Шмидехельм М. Х.* Археологические памятники периода разложения родового строя на Северо-Востоке Эстонии (V в. до н. э. — V в. н. э.). Таллин, 1955. Рис. 32: 8.

¹⁷ *Cleve N.* Skelettgravfältet på Kjuloholm i Kjulö I. Den yngre folkvandringstiden // *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Finska forminnesföreningens tidskrift.* Vol. 44. 1. 1943. S. 90–94. Fig. 29–30; *Idem.* Skelettgravfältet på Kjuloholm i Kjulö II. Vikingatid och korstågstad, gravfältet C // *Ibid.* Vol. 44. 2. 1978. S. 228–229; *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Neuauflage. Helsinki, 1973. Abb. 453.

¹⁸ *Минасян Р. С.* Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // *Археологический сборник Государственного Эрмитажа.* Л., 1980. Вып. 21. С. 69, 73. Рис. 1: 7.

¹⁹ *Дубынин А. Ф.* Щербинское городище // *Дьяковская культура.* М., 1974. С. 227; *Смирнов К. А.* Железные изделия Трицкого городища // *Древние поселения в Подмосковье. Материалы и исследования по археологии СССР.* М., 1970. № 156. С. 174; *Шмидехельм М. Х.* Указ. соч. С. 77. Рис. 17: 4.

²⁰ *Седов В. В.* Изборск в 8–10 веках // *Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий.* Таллин, 1985. Рис. 2: 3; *Söyrinki-Harmo L.* Tools and implements // *Vainionmäki - a Merovingian period cemetery in Laitila, Finland.* Helsinki, 1996. Pl. 24:6.

²¹ Благодарю О. И. Богуславского за возможность ознакомиться с рисунками ножей из старолadoжских коллекций.

²² *Давидан О. И.* Материальная культура первых поселенцев древней Лadoги (из коллекции Государственного Эрмитажа) // *Петербургский археологический вестник.* 1994. № 9. С. 158.

²³ *Башенькин А. Н.* Указ. соч. С. 12, 14. Рис. 5: 19.

²⁴ *Розенфельдт И. Г.* Указ. соч. С. 145–146.

²⁵ *Недошивина Н. Г.* Предметы бытового назначения // *Ярославское Поволжье X–XI вв.* М., 1963. С. 51; *Фехнер М. В., Недошивина Н. Г.* Этнокультурная характеристика Тимиревского могильника по материалам погребального инвентаря // *Советская археология.* 1987. № 2. С. 76; *Енуков В. В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). М., 1990. С. 71; *Arbman H.* Birka I. Die Gräber. Tafeln. Uppsala, 1940. Taf. 280: 5–6).

²⁶ Благодарю З. А. Львову за любезную помощь в определении бус.

²⁷ *Голдина Р. Д.* Ломоватовская культура... С. 53. Табл. XXV: 86.

²⁸ *Львова З. А.* Бусы I Поломского могильника // *Археологический сборник Государственного Эрмитажа.* 1973. Вып. 15. С. 89.

²⁹ Ковалевская В. Б. Компьютерная обработка... С. 49–50.

³⁰ Львова З. А. Стекланные бусы Старой Ладogi. Часть I. Способы изготовления, ареал и время распространения // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1968. Вып. 10. С. 82–85; *Она же*. Бусы I Поломского могильника... С. 85–86.

³¹ Львова З. А. Стекланные бусы Старой Ладogi... С. 77. Рис. 28.

³² Благодарю Е. А. Рябинина за предоставленную информацию.

³³ Лесман Ю. М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологические исследования Новгородской земли. Л., 1984. С. 139.

³⁴ Перхавко В. Б. Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана // Советская археология. 1979. № 4. С. 45; Александров А. А., Белецкий С. В. Памятники I тысячелетия н. э. у д. Лезги // Древний Псков. Исследования средневекового города. СПб., 1994. С. 54. Рис. 2: 11–14; Исланова И. В. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М., 1997. С. 47–49. Рис. 80–81, 84: 4; *Она же*. Верхнее Помостье в раннем средневековье. М., 2006. С. 107–108. Рис. 118–119.

³⁵ В том числе 12 обломков керамики раннего металла.

³⁶ Плохов А. В. Еще раз о «керамике ладожского типа» // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1996. С. 23–25; Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Указ. соч. С. 76–77.

³⁷ Исланова И. В. Древности V–VIII вв. бассейна верхней Мсты // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 3. Рис. 2: 11; 3: 12, 15, 16; 4: 1; Исланова И. В. Удомельское Поозерье... Рис. 38: 1, 11–12, 14–17; *Она же*. Верхнее Помостье... Рис. 75: 6; 84: 2; 78: 6–8, 15–16; 90: 2; 93: 1.

³⁸ Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. Материалы из раскопок памятников в окрестностях оз. Крюково (раскопки С. Н. Орлова и В. В. Милькова) и на оз. Съезжее (раскопки Е. Н. Носова).

³⁹ Исланова И. В. Древности V–VIII вв. ... Рис. 4: 4–6; *Она же*. Верхнее Помостье... Рис. 72; 73: 1–9; 81: 1, 3, 4–6, 9–10; 104: 3; 106: 1.

⁴⁰ Исланова И. В. Верхнее Помостье... С. 93, 96. Рис. 83: 5; 87: 2.

⁴¹ Там же. С. 96.

⁴² Плохов А. В. Об одном редком типе лепной посуды Рюрикова городища // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1995. Вып. 9.

⁴³ Cleve N. Skelettgravfalten på Kjuloholm i Kjulö I... S. 157. Fig. 49: 1; Hirviluoto A.-L. Pottery, burnt clay and slag // Vainionmäki — a Merovingian period cemetery in Laitila, Finland. Helsinki, 1996. P. 76. Fig. 40–41; Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands... Abb. 651.

⁴⁴ Hirviluoto A.-L. Op. cit. Pl. 35: 3–5.

⁴⁵ Lang V. Iry linnuse peenkeramika V–X sajandil // Известия АН ЭССР. Общественные науки. 1985. № 2. С. 205–206, 208; Lõugas V. Asva linnuse dateerimisest // Там же. 1967. № 1. Joon. 5: 1–6; Mägi-Lõugas M. Archaeological excavations at Tõnija Tuulingumäe tarand-grave, Saaremaa // Stilus. 1997. 7. P. 35. Fig. 4; Moora T. Tarbja kivikalmed Paide lähedal ja Põhja-Eesti tarandkalmete keraamika // Известия АН ЭССР. Общественные науки. 1967. № 3. Tahl. VIII: 12; Schmiedehelm M. Mitteleisenzeitliche Funde aus dem Steingrab von Toila in Nordostestland // Homos Ella Kivikoski. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. 1973. Vol. 75. S. 192. Abb. 4: 4, 8; Аун М. Археологические памятники второй половины I-го тысячелетия н. э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллинн, 1992. С. 49–51; Краут А. Спасательные раскопки поселений позднего железного века в Куусалу // Известия АН ЭССР. Общественные науки. 1980. № 4. С. 384. Табл. XVIII: 5; Kivikoski E. Kvärnbacken. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. II. Helsinki, 1973. Taf. 72: 651, 655; 113: 1022; Eadem. Rvårnbacken. Ein Gräberfeld der jüngeren Eisenzeit auf Åland. Helsinki, 1963. Taf. 5: 3, 5; 24: 3; 39: 9; 43: 1.

⁴⁶ Selling D. Wikingerzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm, 1955. S. 140–155. Taf. 35: 4, 8; 36: 2–3, 5; 37; 38: 2, 3; 39; 41: 3; 42: 2, 4, 5–6; 43: 1.

⁴⁷ Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Указ. соч. С. 123–124. Рис. 15: 4. Табл. 149: 11; Гурина Н. Н. История Северо-Запада Европейской части СССР. Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1961. № 87. С. 96, 498. Рис. 202: 1.

⁴⁸ *Косменко М. Г.* Археологические культуры периода бронзы — железного века в Карелии. СПб., 1993. С. 140–174.

⁴⁹ *Макаров Н. А.* Чашевидные сосуды средневековых памятников Волжско-Шекснинского района // Краткие сообщения института археологии АН СССР. 1983. Вып. 175. С. 20. Рис. 1: 1–5.

⁵⁰ *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Указ. соч. Табл. 56: 20; 57: 7; 149: 14.

⁵¹ *Голдина Р. Д.* Ломоватовская культура... С. 130–131; *Голдина Р. Д., Водолаго Н. В.* Указ. соч. С. 93–94.

⁵² *Голдина Р. Д., Голдина Е. В.* Скандинавия и Верхнее Прикамье: контакты во второй половине I тыс. н. э. // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи (К 210-летию А. Л. Витберга). Материалы Международного научного симпозиума. Киров, 1997. С. 9–13; *Волковичкий А. И.* Еще раз о пояском наборе из сопки № 140 // Ладога и Северная Русь. Материалы к чтению, посвященным памяти Анны Мачинской. СПб., 1995; *Казанский М. М.* Некоторые находки из Старой Упсалы и вопрос восточноевропейско-скандинавских контактов // Археологическое изучение центральной России: Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. П. Левенка. Липецк, 2006. С. 274.

⁵³ *Петренко В. П.* Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволжья. СПб., 1994. С. 77, 88. Рис. 39.

⁵⁴ *Добжанский В. Н.* Указ. соч.; *Ковалева Н. В.* К вопросу о социально-знаковой функции наборных поясов у народов Волго-Камья и Приуралья второй половины I тыс. н. э. // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья: Материалы международной научной конференции. К 30-летию Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск, 2002. С. 235; *Мурашева В. В.* Древнерусские ремненные наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000. С. 77–84; *Овчинникова Б. Б.* Указ. соч. С. 44.

⁵⁵ *Добжанский В. Н.* Указ. соч. С. 82; *Овчинникова Б. Б.* Указ. соч. С. 23, 31–32, 40, 42–44; *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1967. № 142. С. 164; *Распопова В. И.* Указ. соч. С. 107–108; *Степи Евразии...* С. 41, 96.

⁵⁶ *Яблоник Д. Л.* О двух типах бронзовых украшений культуры сопок // История и археология Новгородской земли. Новгород, 1987. С. 22.